

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР

«О, ГДЕ ЖЕ ВЫ, ДНИ ВЕСНЫ»

Сегодня исполняется 115 лет
Федору Ивановичу Шаляпину

Да, это из «Элегии» Массне. Вернее, так: из шаляпинской «Элегии» Массне с ее — как бы сквозь стиснутые зубы — начальным двоянным полустоном «Оо-о» и протяжно, но ощутимо раздельными «где-же-вы...»

Я поздно впервые услышал это: после 1956 года не только произнеслись вслух запретные ранее имена партийных и государственных деятелей, полководцев и ученых, а многие произведения писателей увидели свет, но и с голосов некоторых снялось вето. В Башкирии вышел из заветных тайников Газиз Альмухаметов, по стране широко и общедоступно зазвучал Федор Иванович Шаляпин.

Правда, с общедоступностью я, пожалуй, перебрал — пластинки его покупались с бою. И когда отец привез из Москвы первую большую пластинку (тогда еще термин «диск-гигант» не было), слушать ее собралась целая компания моих товарищей.

По провинциальной своей наивной невежественности мы верили, что от звука шаляпинского голоса рассыпались театральные люстры и сдувало зрителей из первых трех партерных рядов.

И вот мы сидим у радиолы и под увертюрный шип иглы от благоговейного ужаса поджимаем ноги под стул. Ждем грома, предвкушаем взрыв. И тут это «Оо-о-где-же-вы...»

Это — Шаляпин?! Да Максим Дормидонтович Михайлов... Аж стекла тряслись! А Рейзен... А уж Польш Робсон вообще...

...Но почему так тянет слушать и слушать этот мягкий и летучий голос? Почему передохнуть боязно на тишайшей ноте «Персидской песни» Рубинштейна, и озноб ползет по спине от сатанинского хохота Мефисто, а скороговорка Фарлафа растягивает губы в блаженно-глупой улыбке? Как это так органично уживаются в одном человеке нежность и ярость, мощь и ехидство, гнев и сарказм?

И то сказать — пластинка была редкостью лубовно и... умно составлена, создавая довольно полное впечатление об уникальности гения мирового вокала, мировой оперной сцены. Она восхищала и потрясала с первого же прослушивания. И я, оставаясь яростным и неутомимым поклонником теноров, хотя и басовых голосов переслушавший немало и даже отдававший им должное, раз и навсегда выделил Шаляпина, как своего, единственного.

Понимая, как смешон в нелепой своей попытке словами выразить калейдоскоп чувств, вызываемых голосом великого певца, ограничусь тщеславным упоминанием о том, что, едва после университета стал корреспондентом Башкирского радио, одну из первых своих передач сотворил о Шаляпине. О том, что именно в Уфе партийный Столыпин в «Гальке» Монюшко Федор Иванович дебютировал на оперной сцене, начал карьеру оперного певца. О чем и свидетельствует скромная памятная доска на теперешнем институте искусств. Когда же в книге Шаляпина (дружеская помощь Горького ощущается в ней даже любимыми его бесчисленными тире) прочитал страничку об Уфе, немало дней пролезил по так называемой Архивейке, пытаясь по описаниям определить дом, в котором жил Федор Иванович... Вроде бы смахивало на окрестности Чекалихина оврага, а так ли это...

Ах, господи, и Гяуров хорошо, и наш Нестеренко — мастер, но Шаляпин... После переноса его праха из Франции в Москву отнес я на его могилу сирень, а меньше чем через неделю после этого оказался в Казани, на его родине.

Привели туда дела редакционно-баскетбольные — ответный визит казанцам, постоянным участникам «вечерних» УДОМ-ов. Хозяева не только любезно проигрвали матч, но и щедро показали свой город — университет, где учился Володя Ульянов, Кремль с его «падающей» башней Сююмбике, новые и старые улицы. Мы молча повздыхали у довольно запущенного домика Гаделя Кутуя, принесли цветы на могилу олимпийского чемпиона Александра Курынова, которого многие из нас знали и помнили по его выступлению в Уфе.

...А я рвался к дому Шаляпина. И зной-

ным вечером, когда ветераны двух братских столиц предавались воспоминаниям о баскетбольной своей молодости в душном гостиничном номере, уговорил инженера Дамира Сафина (ныне покойного, увы) и одного из знаменитейших арбитров Леонида Арсланова сводить меня к святыне. Уроженцы и знатоки Казани, они, немного поспорив, сказали, что можно не торопиться — от старинной нашей гостиницы ходьбы предстояло всего минут 10—15.

Вскоре мы оказались у неказистого дома, на стене которого даже сквозь густой сумрак легко читались буквы небольшой мемориальной доски: «Во дворе этого дома стоял флигель, в котором родился великий русский певец Федор Иванович Шаляпин». Зашли во двор, тыловую часть которого составляла высокая старинная глухая стена типа брандмауэра, над которой темнели еще более высокие и старинные деревья (в темноте не определил их породу). Светились окна, под одним из них девушка, запрокинув голову, пересмеивалась с подружкой, перегнувшейся через подоконник. На просьбу показать, где стоял дом Шаляпина, она сослалась на неизвестно, но тут же вызвалась позвать кого-нибудь из старожилов.

Вышла сухонькая маленькая старушка и удивительно молодым голосом заинтересовалась — кто мы и зачем в такое позднее время. Объяснили. Тогда она рассказала, что в доме этом родилась и прожила все свои немалые годы, что раз в пять—десять лет приходят к дому какие-то люди и кладут цветы к мемориальной доске. Но вот во двор мы зашли — на ее, во всяком случае, веку — первые. За что нам низкий ее поклон. А хорошо бы еще, поскольку один из гостей газетчик, обратил внимание, что дом их, хоть и почти в самом центре, до сих пор неблагоустроен, запущен — все удобства во дворе.

Дамир деликатно кашлянул и, отметив, что он, как зам. управляющего изыскательским трестом, запомнит ее сөгования, спросил о судьбе отчего дома Шаляпина.

— Флигелек этот в годы войны разобрали на дрова — зимы были лютые, а людей много — свои и эвакуированные. А уже после войны построили вот это хозяйственное строение, — старушка кивнула головой на нечто свежеевыбеленное.

...На обратном пути я молчал, слушая возмущенный диалог Лени и Дамира на традиционную тему о нашей беззаботности в отношении к реликвиям прошлого, о невозвратимости и духовном цинизме потерь такого рода. Смутно и маятно постановала душа от укоров взбунтовавшейся совести, подкидывавшей все новые аргументы.

И вот в минуту, когда, уже далекий от мыслей о Шаляпине, я был озабочен уфимской болью, послышался голос. Навстречу нам шла пестрая размашистая стайка кубинских студентов, обучавшихся в Казани, и высокий красивый мулат, легко и нежно обнимая за плечи двух девушек, глубоким мягким басом негромко пел...

Знаете, что пел юный кубинец?

Он пел: «Не велят Маше за реченьку ходить, не велят ей добра молодца любить. Добрый молодец, удалый молодец, он не ведает кручины никакой». И интонации, и столь непростые для иностранца подвижные русские ударения — все было точно и похоже.

— Салют, камарадо! — поприветствовал Ленья. — Извините меня, но откуда вы знаете эту песню?

Парень сверкнул в темноте ослепительным рафинадом зубов:

— Но это же Шаляпин! Это же его родина Казань! Здесь так поют — как Шаляпин.

И все его спутники и спутницы согласно закивали головами.

Что-то, окатив жаркой волной, отпустило, обмякло в сердце. И, стесняясь волнения своего, я хрипло и невнятно пробурчал:

— Вы хорошо поете, камарадо... Спасибо...

Юрий ДЕЛЬ.